

A digital painting featuring three characters. In the background, a man with long brown hair and intense blue eyes looks directly at the viewer. In the foreground, two women are shown in profile, facing each other. The woman on the left has dark hair and is wearing a white sailor-style shirt. The woman on the right has blonde hair and is wearing a dark top. The overall style is soft and painterly, with a muted color palette.

Екатерина
Широкова

Не дружи
с этой
девочкой

Екатерина Широкова

Не дружи с этой девочкой

«Автор»

2023

Широкова Е. Н.

Не дружи с этой девочкой / Е. Н. Широкова — «Автор», 2023

Тома растёт без отца и с мамой-психологом, а её подруга-тихоня Катя вынуждена врать, чтобы вырваться на многообещающее свидание, потому что родители чересчур мнительны после потери сына, весельчака и красавца. Исчезнувший старший брат — запретная тема в Катиной семье, но он не бросил сестрёнку и часто является ей в качестве призрака. Новый парень — настоящая мечта, но как предъявить его маме, если в школе очень некстати пропала девушка, да ещё и при странных обстоятельствах, а одноклассники уже подозревают неладное

Екатерина Широкова

Не дружи с этой девочкой

Когда потом следователь с нажимом в голосе спрашивал, не было ли в тот день ничего странного, настораживающего, Ася предпочла бы скорбно и даже профессионально сообщить, что да, мол, нехорошо кольнуло сердце, как-то особенно по-матерински ёкнуло, но – нет. Обычный был день, самый что ни на есть обычный.

Она без сил возвращалась домой на метро и мысленно ругалась на мамаш, которые водили к ней своих неуправляемых детей, ожидая волшебных пилюль или таких же пинков и не желая признавать свою родительскую никчемность. Асю это удручало – как деньги платить докторам, и приличные деньги, так они готовы вкладываться, а как провести со своей же кровиночкой лишний час в день, так в кусты. Устали. Некогда.

Тьфу. Она этого не понимала. Они с дочерью всегда жили вдвоём и были близки, насколько это возможно в её семнадцать лет. Отец на горизонте не появлялся, но Ася всю старалась компенсировать отсутствие мужского начала в их крошечной, но слаженной семье. Они были командой. Так она следователю потом и сказала, но тот почему-то скривился, будто кислятину надкусил. Не поверил, а зря, отношения у них были, можно сказать, идеальные. Не без мелких бытовых трений, конечно, но без настораживающих маркеров.

На тот вечер в планах был ужин, который приготовит Тома – неаполитанская кухня, продукты с матери, готовка – с дочери. Кухню выбирали по очереди: кто выбрал, тот и готовит.

Ася аккуратно отперла замок и машинально прислушалась и принялась – на кухне темно и едой или горелым не пахнет, а у дочери в комнате тишина. И табличка на дверной ручке повернута «зелёной» стороной светофора – значит, взрослым можно входить. Ася надела тапочки, помыла руки и постучалась – разрешённый сигнал «светофора» не отменял нормы этикета.

Дочь валялась поперёк кровати с плюшевыми наушниками – её излюбленная поза, и при виде матери она резко захлопнула ноутбук, выключила музыку и гневно уставилась на невольного нарушителя:

– Ты чего врываешься, мам?!

– Там был зелёный, – быстро оправдалась Ася, – я не нарочно, прости.

– Да? – Тома сразу успокоилась. – Ну ладно тогда. Я давно пришла и забыла перевесить табличку.

– А что у нас с ужином? – деликатно напомнила Ася, в душе сокрушаясь, что теперь небось придётся варить макароны или пельмени, а это лишние калории. Не похудеешь. – Тоже забыла?

– Ой! – Тома вскочила и убрала компьютер на стол, поглубже под учебники. – А сколько уже? Ладно, мам, я сейчас исправлюсь! Я быстро!

Тома демонстративно рванула на кухню и принялась метать на стол все ингредиенты по списку. Ася тоже нацепила фартук, еле сдержав разочарованный вздох – есть на ночь не в её правилах, но инициативу надо приветствовать.

И подошла к дочери, зверски кромсающей бедную рыбу, чтобы обнять сзади.

– Обнимашки, – примирительно прошептала Ася и заодно клюнула тонкую, по-девичьи трогательную шею.

– Три, – автоматом посчитала Тома, – не забудь ещё один раз после ужина.

– Не надо акцентировать, что обнимашек должно быть ровно четыре, тогда эффект пропадает, – Ася не одобряла, когда дочь со скрытой насмешкой относилась к введённым в детстве маленьким традициям, хотя и понимала, что бунт неизбежен. В тринадцать Тома часто

отказывалась обниматься, но через пару лет традиция всё же заново устоялась и Ася этому радовалась.

– Я просто переживаю, что ты забудешь, – невинно хлопнула шикарными от природы ресницами Тома.

– Подлиза, – Ася пихнула дочь в бок и занялась салатом.

Она гадала, скажет ли Тома что-то про неловко спрятанный от материнских глаз экран компьютера, но всё же удивилась, когда та вдруг торжественно объявила:

– Я хочу пойти на свидание.

– Вот как? – промурлыкала Ася, вонзая нож в лимон. – И ты спрашиваешь у меня разрешение? Ты же знаешь, что имеешь право сама выбирать себе друзей? В том числе и противоположного пола?

– Ну я просто так, чтобы ты знала, – буркнула Тома.

– Хорошо. Я и не против, потому что доверяю твоему вкусу. Расскажешь, кто он и где вы познакомились?

– Ты же сказала, что доверяешь, – сыронизировала дочь.

– Но мне же интересно! У тебя есть полное право на личное пространство, но я могу дать совет, как друг.

– Конечно. Его зовут Никита. Он студент. Не знаю, какого курса. Мы пойдём гулять в парк. Там и познакомились.

– Звучит заманчиво, – поощрительно улыбнулась Ася.

Она даже призналась потом следователю, что перед сном удалённо проверила историю браузера дочери и самолично пробила некоего Никиту Мяснова, студента-медика третьего курса Пироговки. В соцсетях всё вполне невинно, фото многочисленных девочек и прочей ереси нет, только он показался ей слишком взрослым для школьницы.

Но Ася решила пока понаблюдать, получить больше информации. А запретами тут всё равно ничего не добьёшься.

Тома почти бежала к условленному месту в парке, но всё равно опоздала. Её подруга явно давно стояла там и испуганно жалась к углу беседки, высматривая парня в просвете между кустами. Тома быстро скользнула к их скамейке и язвительно шепнула прямо в ухо:

– Ну что, не пришёл твой кавалер? Неужели всё было зря? А я целый спектакль разыграла для мамы, весь вечер слушала лекцию о безопасных контактах! – Тома мученически закатила глаза, но Катька завистливо ахнула вместо предполагаемого сочувствия.

– Везёт! Твоя мама всё тебе разрешает, а меня бы убили только за то, что я в его сторону посмотрела.

– Но сейчас-то ты жива, – обиженно брякнула Тома и встрепенулась, разглядев за спиной подруги одинокий мужской силуэт, – так что наслаждайся каждой минутой, пока я тебя прикрываю! Я не всегда такая добрая.

Парень нырнул к ним сквозь прореху в кустах и весело подмигнул Томе, а Катька резко обернулась и уставилась на него, как заворожённая. Идиотка, если так пялится на мужика, он сбежит дня через два. От ужаса.

– Дышать не забывай, – посоветовала Тома, а Катька громко выдохнула, покраснев до корней волос, когда Никита ласково, но мимолётно коснулся её щеки и тут же убрал руку.

– А ты, значит, та самая Тома?

– Та самая, – резковато ответила Тома, но парень ничуть не смутился и продолжил рассматривать новую девушку поверх Катькиного плеча. Вообще-то он понравился ей гораздо сильнее, чем она ожидала, потому Тома и ошетибилась – чтобы не выглядеть соперницей перед этой раззявой. Другого шанса на личную жизнь у Катьки может и не быть, а Тома своё ещё возьмёт – планета большая, народу много.

И Тома заранее нарисовала жалостливый портрет картавого студентика, чудом дорвавшегося до самой недоступной девочки в их школе, и приготовилась посмеиваться над этой нелепой парочкой, но Никита был не таков. Отнюдь. Он по-хозяйски оглядел узкий таз Тома, задержавшись на длинных ногах и красивых коленях, торчащих под лохмотьями, оценил грудь третьего размера и вернулся к дерзким глазам.

Уже не таким дерзким, слишком уж властным был этот взгляд, как будто у Никиты была какая-то власть над Томой.

– И часто ты оказываешь подобные услуги, та самая Тома? – прищурился он, беря Катю за руку. Та сомлела от счастья и неверяще поглядела на Тому, приглашая порадоваться за неё.

– В первый раз. Эксклюзив для Катюки, но ты обращайся, если что.

– А почему такие сложности, я так не понял, – Никита театральным жестом предложил девочкам пройти по боковой аллее, – у тебя предки сектанты, что ли? Почему тебе нельзя ни с кем общаться, Катю?

Катюка заморгала, но всё-таки обрела дар речи и возмутилась:

– Почему же ни с кем? С ней, – она показала на Тому, – можно.

– Это я уже понял. Но почему больше ни с кем?

– У меня был старший брат Костя и с ним случилась очень плохая вещь несколько лет назад, вот с тех пор родители надо мной и трясутся. И они никакие не сектанты, просто боятся.

– Ясно. А что именно случилось с твоим братом? Что-то из разряда «жест»?

– Дома мы об этом не говорим, а мне тогда было шесть лет, мало что запомнила.

– Но что-то же ты должна помнить? Не два же годика было.

– Очень хорошо помню, как попросила коллекцию игрушечных гоночных автомобилей, раз Косте она больше не понадобится. Папа на меня наорал, а потом извинялся. А Костя просто пропал – вот и всё, что знаю. Подробности обсуждали шёпотом и следили, чтобы я не подслушала.

– И ты не пыталась узнать?

– Пойти в полицию, что ли? – фыркнула Катюка.

– Например, – серьёзно кивнул Никита, – или в сети посмотреть.

– В сети ничего нет, а в полицию мне нельзя, – веско сообщила Катюка.

– Да хоть сейчас можно составить запрос в архив. Хочешь, сходим? У меня там знакомые есть, с журналистики.

– Я не могу отходить далеко от парка, – покачала головой Катюка, – надо раз в час скидывать маме геолокацию.

– А если не скинешь?

– Тогда они вызовут полицию сами и больше уже никуда непустят.

– Аргумент, – согласился Никита, – тогда какой план?

– Вы погуляйте, а я здесь посижу, – благородно предложила Тома и показала набитый учебниками рюкзак, – домашку поделаю. У вас два часа, котики. Развлекайтесь.

Тома грызла кончик карандаша и гнала недостойные мысли, но не думать о том, почему Никита вдруг выбрал столь невзрачную девочку даже для одноразового свидания, оказалось практически невозможной задачей. Позже следователь выяснит у его однокашников, что Никита ни с кем подолгу не встречался, но время от времени зажигал с девушками вполне себе эффектной внешности – скоротечно и без взаимных обязательств, но Тома этого по понятным причинам не знала. И терзала себя то ли подозрениями в нехороших намерениях парня, то ли банальной завистью.

Подозревать было намного приятнее, чем завидовать, так что к их возвращению Тома уже была готова ко всему и чуть ли не набросилась с претензиями на парочку, чинно вышагивающую по неприметной дорожке под светом ярких фонарей. И ахнула – Катюка преобразилась до неузнаваемости. Обычно сутулая девушка, прячущая скромные прелести под балахоном и

выдвигающая вперёд тощие ключицы, сейчас не шла, а плыла, гордо вытянув шею и выпрямив спину. Как будто опытная модель или манекенщица, а не забитая школьница с первой парты.

Тома было решила, что они не теряли положенные два часа даром и умудрились уединиться где-то в людном парке, но по безумно горящим глазам Никиты и лихорадочному румянцу мгновенно угадала, что он до сих пор находится в состоянии крайнего возбуждения, как охотник, сжимающий круги вокруг долгожданной, выстраданной дичи. А Катька явно не отдавала себе отчёт, насколько красноречиво и жадно блестели зрачки молодого мужчины, и щебетала что-то про скорые каникулы и про расписание занятий.

Катька окликнула Тому и, не видя её потрясённой физиономии, принялась благодарить подругу за помощь, Никита же вообще не видел ничего, кроме профиля Катьки, и буквально смотрел той в рот.

Тома сухо попрощалась с Никитой – провожать девушек он не мог, так как по пути домой Катьку могли засечь предки, и начала допрос, как только крепкая фигура скрылась за изгибом аллеи.

– Чем вы там вдвоём занимались?!

Но Катька не почуяла подвох и чистосердечно поведала:

– Ой, Тома, я так счастлива! Никита классный! По-моему, я ему нравлюсь. Прямо сильно. И он столько всего умеет! Ты бы обалдела, если... – и Катька замолчала, разинув рот, как будто едва не выдала великую тайну.

– Ну и?.. Колись, – рявкнула Тома, – а то не буду изображать его подружку вместо тебя.

– Да я просто так сказала, – протянула Тома, – мы гуляли. Все два часа.

– Ага, нашла дуру. Либо рассказываешь, либо ищи другое алиби.

– Да ладно тебе! Ну... короче говоря, Никита круто умеет манипулировать другими людьми. Мы встретили Ирку, и она мне ни слова не сказала.

– Да ну? А она тебя хоть заметила?

– Конечно! Вылупилась, как вобла, и приготовилась выдать гадость, но захлопнулась и так и стояла молча, пока мы шли мимо их тусовки.

– Допустим. И при чём здесь Никита? Может быть, Ирка подавилась, или у неё живот заболел.

– Нет! Я её раньше увидела и сказала Никите, что это моя одноклассница и что она меня достаёт, а тот пообещал, что заставит её заткнуться.

– Неубедительно. Тут что-то ещё, верно?

– Да нет же! – Катька смешно горячилась. – Завтра сама увидишь. Ирка меня больше не тронет.

Тома не поверила, но утром случилось нечто странное.

В раздевалке вокруг Ирки сгрудились всё её прилипалы и, как по команде, дружно замолчали, когда через турникет проплыла Катька с идиотской улыбкой на лице. Похоже, она до сих пор грезила о прошедшем свидании и даже не отреагировала на холодный приём, не предвещающий ей ничего хорошего.

Ирка с гримасой ненависти вылупилась на Катьку, смело нырнувшую в ряд их класса, но вместо обыкновения подвинулась, когда Катькин рюкзак шлёпнулся на подоконник в сантиметре от её величества. Катька ритмично покачивалась в такт музыке и вполголоса подпевала, будто была одна в помещении, набитом старшеклассниками.

– Поздороваться не хочешь? – агрессивно спросила рыжая Соня, баскетболистка и самая ярая Иркина подданная.

– Привет, – миролюбиво улыбнулась Катька и показала на торчащие из уха наушники.

– С кем ты вчера была в парке? Это что, типа твой парень? – напирала Соня, а Ирка только ела Катьку взглядом.

– Никита? – картинно изумилась Катька. – Нет, он с Томой встречается. Я ему показывала, куда идти.

Ирка уставилась на Тому, как на главную преграду в своей жизни, и та в ответ неопределённо кивнула.

– А что случилось-то? – Тома с любопытством шагнула к окну.

– Твой Никита вчера приставал к Ирке.

Завуч за годы к работе в школе привыкла к разному и отрастила здоровый скептицизм к паникующим мамашам, но тот случай смешал ей все карты, к тому же навсегда подпортив личное дело. Зоя Игоревна не могла смириться, что проворонила столь чудовищный инцидент, не разгадав в девочках признаки приближающейся катастрофы, а ведь должна была, с её-то опытом!

Она могла отличить только что покудившего за углом подростка с двадцати шагов и несколько раз раскрывала глаза наивным, витающим в облаках родителям на тот факт, что их юным дочерям-отличницам не мешало бы провериться на беременность. Те очень быстро переходили из фазы отрицания в стыдливую благодарность, но Зоя Игоревна лишь посмеивалась – поживите с моё, насквозь будете видеть, что скрывается за этими бесстыжими глазками.

Но не в том случае, увы.

И ведь она столкнулась в тот первый день с обеими! Утром в раздевалке забитая Катя Смирнова при свидетелях поговорила с Ирой Молчановой, никаких громких ссор или драк, даже до обмена оскорблениями не дошло – как раз перед звонком завуч дефилировала поблизости и запомнила необычно притихшую Ирку, но списала бледноватый и невыспавшийся вид на скандал, случившийся у её родителей вчера поздно ночью – жили они в одном подъезде, а Зоя Игоревна предпочитала держать окна открытыми.

Катька что-то тихо сказала девочкам и пошла на урок, а потом и остальные девочки подтянулись. Ира Молчанова тоже прошмыгнула мимо завуча, покорно уперев взгляд в пол, и Зоя Игоревна сделала в голове пометку – на родительском собрании упомянуть, что семейные разборки при детях плохо сказываются на учёбе. Беседовать с самой девочкой ей показалось излишним, да и та ведь будет разыгрывать святую невинность и всё отрицать, что бы ни было. Не достучаться.

Мать Молчановой не сразу обратилась в полицию, хотя и была не на смене и быстро заподозрила неладное, обзвонила ближайших подружек и узнала, что после уроков Ира, как обычно, направилась домой – пообедать. Вот только к обеду её не дождались. И к ужину тоже. И телефон непрерывно отключён.

На следующий день мать Молчановой с утра пораньше заявила в школу и стояла возле охраны, жадно заглядывая в лица всех старшеклассников и расспрашивая, не видел ли кто её Ирочку. Ирочку никто не видел, начиная с момента, когда та зашла в подъезд – трое девятиклассников позже подтвердили, что Ира Молчанова открыла железную дверь и исчезла в проёме, а потом никто незнакомый вроде бы не мелькал.

Это уже тянуло на чрезвычайное происшествие, но Зоя Игоревна, вместо уехавшего в управление директора принявшая взволнованную родительницу и обстоятельно побеседовавшая с каждым из детей, кто мог что-то знать о Молчановой, посоветовала подождать до вечера – может быть, Ира вернётся сама, а они тут панику развели.

Зато Зоя Игоревна взяла поиски под личный контроль и ходила вместе с расклеившейся мамочкой, стараясь, чтобы информация об исчезнувшей не просочилась дальше положенного и чтобы непутёвая девочка не стала темой для обсуждения на весь следующий месяц. Как же она ошиблась! Пожалуй, за всю свою педагогическую деятельность она так крупно не промахивалась, но ведь ни единого звончка! Ни единого!

Наконец было решено проверить подъезд, хотя Ира могла сто раз выйти оттуда незамеченной. Чердак оказался наглухо заперт – полиция взломала дверь позже, когда Молчанова написала заявление, но соседи с верхнего этажа уже тогда пожаловались испуганной матери на странный запах, якобы мешающий им спать. И на полуночное завывание под козырьком крыши, будто кто-то завёл туда свору собак и не водит их гулять.

Конечно, соседей всерьёз не послушали из-за сваленных возле квартиры пакетов с мусором, из которых торчали горлышки пустых бутылок. Списали на абсурдные выдумки.

Отец подключился вечером и с ходу предложил полицию, но завуч и тут отговорила бедолагу. Мол, зачем им огласка? К тому моменту уже вся школа догадывалась, что дело нечисто. Если бы Ирка вдруг сбежала из дома, кто-то из девочек наверняка разделил бы секрет – где, как и с кем, но тут – полная тишина.

Про якобы неприятности накануне вечером в парке дети не заикались, даже с полицией ни одна дурёха не призналась, что что-то такое было. Про студента вообще никто не вспомнил или не придал значения.

Капитан ещё раз брезгливо принялся и дал отмашку, а слесарь начал срезать замок, пока любопытствующие соседи замерли в тревожном ожидании – что там, на чердаке? Неужели та самая девчонка? Вопреки рассказам алкашей с верхнего этажа, в подъезде ничем таким не пахло, никакие собаки на луну не выли и вообще всё было спокойно. Болгарка озорно взвизгнула в последний раз и замолкла, слесарь посторонился и капитан потянул дверь на себя, заранее морщась и прикрывая нос ладонью, но в открытую щель с чердака пахнуло прелой листвой и чем-то сладким, пряничным.

Капитан от неожиданности закашлялся и шагнул внутрь, поманив участкового и понятых, а соседи на лестничной клетке зашушукались, анализируя каждый доступный им звук, раз уж нельзя насладиться видом потенциальной находки.

На полу чердака обнаружилась куча следов, вытоптанных в вековом слое пыли, и капитан озадаченно выругался – кто-то или что-то бесновалось здесь, катаясь по полу и хаотично расшвыривая тряпки по кругу.

Но мать Ирки смотрела не на эти странные следы – она моментально опознала ворох тряпья. Всё, вплоть до носков и кроссовок. Одежда её девочки. Каждая вещь покупалась с денег, заработанных Иркой прошлым летом в закусочной. Она так гордилась, что оплатила всё-всё сама. И вот эти вещи, грязные и растерзанные, валяются на холодном полу, а самой девочки нигде нет.

Молчанова судорожно всхлипнула, озираясь по углам, но на чердаке даже прятаться негде, пустое и пыльное пространство оставалось нетронутым. Мать бухнулась коленями на бетон и оглушительно взвыла.

И весь подъезд пришёл в движение – капитан командовал увести женщину и организовать тщательный рейд по квартирам, не могла же семнадцатилетняя барышня разгуливать голышом по весне, кто-то точно бы обратил внимание и запомнил. А значит, девушка далеко не ушла, скорее всего, спряталась у кого-то из соседей. Как минимум, заходила за одеждой, чтобы позже улизнуть. Или её тут переодели и посадили в машину.

На чердак людей опять не пустили – вот-вот ожидалось криминалисты.

Обыск проводили по всей форме, даже шкафы и чуланы выворачивали наизнанку, но кроме старого хлама – ничего. Ноль зацепок. Ирка как в воду канула.

Одноклассницы снова собрались у дома пропавшей – из подъезда подростков прогнали, конечно, но нельзя запретить детям бродить поблизости и чесать языками.

Тома тоже недавно пришла и чуть издали понаблюдала, как бегают туда-сюда сотрудники полиции, как зеваки глазят на полукруглые окна чердака, ожидая развития событий после истошных криков матери Молчановой. А ещё – как на неё волком смотрят Иркины подружки.

Тома засунула руки поглубже в карманы, натянула капюшон и хотела уйти – всё равно любые новости передадут через чаты, бесполезно тут торчать.

Но её окликнула Соня:

– Эй, а где твой парень? Гуляет с чокнутой?

Тома замерла, потеребила завязку на капюшоне и неожиданно для самой себя ввязалась:

– Так ты его вчера тоже видела?

– Ну да. Он гулял с чокнутой. Катя тебе не доложила? Ну так сбегай, спроси. Нам потом расскажешь.

– А что за бред толкала вчера Ира? Что Никита к ней якобы приставал.

– Ирка так сказала, – скупно бросила Соня и поджала губы.

– А ты сама видела это?

– Нет, – нехотя призналась Соня, – но Ирка же сказала.

– А она могла это выдумать, чтобы доставать Катю или меня? Как считаешь?

Соня даже лоб наморщила от умственного напряжения и почти дружелюбно согласилась.

– Могла. Мы их встретили в парке, а потом по домам. Ирка со мной всё время была, мы вот здесь разбежались, – Соня ткнула в качели для малышей.

– А раньше ты Никиту встречала? Необязательно в парке.

– Не-а. Я бы запомнила. Он такой... норм. Так ты с ним или Катя?

– Я. И что конкретно Ирка сказала про Никиту?

– Да ничего! Что он к ней как-то клеился, а так она вообще молчала всю дорогу. За целый день и слова не выдавила. Думала, она заболела, а вона как... Пошла обедать и кранты. Как думаешь, её живой найдут?

Тома вдруг пожалела недалёкую Соньку, разом лишившуюся кумира и недостижимого объекта для подражания. Ирка позволяла ей чувствовать себя важной и нужной и она старательно унижала других девочек по капризу Ирки и ради её снисходительного одобрения. В её тени Соня умудрялась забывать про прыщи и про свою угловатую и совсем не женственную фигуру, но без ферзя и короля в одном флаконе вечная пешка лишилась привычной опоры. И вот теперь она стояла перед Томой, выпятив вперёд нижнюю губу, и явно готова была расплакаться.

– Конечно, – легко соврала Тома, – небось с очередным хахалем тусит. Вернётся, куда денется. И после такого, – она неопределённо махнула вверх, на окно чердака, ещё не догадываясь о зловещей находке, – предки сильно ругаться не станут. Так, поорут для галочки, а сами счастливы будут.

– Ага, – Соня озадаченно поскребла подбородок обкусанными ногтями, – наверное. Ты... это... скажи чокнутой, что мы её не сдадим. Ну, про Никиту.

– Хорошо, – кивнула Тома. Эта была зыбкая область, подтверждать факт вранья не хотелось, отступать от легенды для Каткиных родителей тоже, – я пойду. Скинь новости, если будут.

Соня проводила Тому жалостливыми глазами побитой собаки и уставилась на вход в подъезд, бессильно сжимая и разжимая кулаки. Позже, когда слухи о снятой Иркой одежде дойдут до детей, она напишет Томе сообщение и получит в ответ грустный смайлик. И окончательно решит, что Никита ни при чём, но Тома сочтёт иначе.

Она набрала Катке, прикинув, что её предки должны быть ещё на работе и они свободно смогут поговорить. Катка ответила через один гудок и тяжело задышала в трубку, а Тома осторожно уточнила:

– Можешь говорить?

– Да. Их нет.

– Слышала про Ирку?

– Да, то есть нет, а что? Есть что-то новое? – без особого энтузиазма переспросила Катька, будто тема пропавшей одноклассницы не была в топе школьных обсуждений вторые сутки подряд.

– Есть, – Тома вспомнила Сонькино сообщение и представила, как голая Ирка бежит по подъезду и стучится во все двери, а ей никто не открывает, потому что всем плевать или потому, что она плохо учится, – нашли её барахло на чердаке их дома. Её саму не нашли.

– Круто, – Катька опять задышала, – это всё?

– Ну да, только у меня вопрос. Ты когда со своим будешь встречаться?

– А что?

– Тебе операция прикрытия нужна или нет? – построже рубанула Тома.

– А, ты в этом плане, – Катька с облегчением выдохнула, – завтра сможешь? Мы хотели в пять. В парке.

– Угу. Только при условии, что ты мне объяснишь, что случилось между Никитой и Ирой. Катька молчала целую минуту и не дышала вообще.

– Ты о чём? – попёрла в атаку.

– О том, что Никита обещал тебе заткнуть Ирку – раз, Соня болтала про его приставание к Ирке – два. Я способна сложить дважды два, Кать. Девочки, может, и будут молчать, но полиция рано или поздно докопается до всех деталей, так что лучше колись сразу. Что за ерунда происходит?

– Она врёт. Врала. Про приставание – особенно.

– Кто? Ирка?

– Да. И Соня тоже.

– Я так не думаю. Соня просто повторяет Ирины слова, но с чего ей сочинять такое, а потом пропадать?

– Не понимаю, – взвизгнула Катька, – почему Никита-то виноват в Иркином загуле?

– Если не виноват, хорошо. Тогда расскажи, что конкретно он тебе обещал насчёт Молчановой, и я отстану.

– Ладно. Он сказал, что владеет... ты только не смейся... владеет особой техникой. Может заставить людей что-то делать на расстоянии. Или не делать.

– Ну и?.. – Тома ждала продолжения.

– Ну и Никита поставил ей блок. Чтобы я её не слышала и не видела. Ты же прекрасно знаешь, как она меня достала!

– Не слышала и не видела? И она исчезла? И тебе это не кажется странным?

– Нет! Не кажется! Она просто заткнулась тогда в парке, вот и всё!

– Я хочу с ним поговорить, слышишь? Пускай подтвердит весь тот бред, что ты сейчас втюхиваешь.

– То есть хочешь обвинить его в Иркиных проблемах? Да он просто пошлёт тебя нафик и правильно сделает!

– Плакать не буду, но я хочу не только это, Кать. Пускай объяснит, вдруг он и тебе ставит какой-то блок, раз ты очевидного не видишь и не слышишь, а то уши растопырила и лапшу с них жрёшь.

– Завтра в пять. И ты просто завидуешь, – Катька бросила трубку.

И до Аси дошли сплетни о Молчановых, про чердак тоже. В получасовой перерыв она взяла себе кофе и эклер, бегло пролистала родительские чаты, сперва не разобралась толком, потом вчиталась, похолодела и тут же инстинктивно набрала дочери – убедиться, что та в порядке. Нормальный материнский рефлекс – мысленно препарировала себя Ася – проверить собственное потомство.

Семья той несчастной девочки, судя по редким встречам на собраниях в классе, была не очень обеспеченной и не очень образованной, но деньги на экскурсии и прочее мама всегда сдавала вовремя и с учителями не скандалила. Ася вспомнила Иру – довольно красивая долговязая троечница с большим авторитетом среди таких же детишек без амбиций, неизвестно зачем оставшихся в школе после девятого. Её Тома с Ирой не дружила – не её круг общения, но и не конфликтовала. Тома собиралась поступать и всю готовилась, а давно сложившаяся компания троечников существовала как бы в параллельной вселенной, но этот дикий инцидент с Ирой непостижимым образом уравнивал всех мам.

Ася напрягла память, пока слушала гудки, но не вспомнила ни единого случая, когда Тома хоть как-то выделила Иру в разговоре, разве что в начальной школе. Действительно, другая планета, но будет вполне уместно поддержать родителей девочки, предложить им профессиональную помощь – разумеется, бесплатно. Вряд ли они сами обратятся к психологу.

И от этой простой мысли Асе уже стало немного легче ждать ответа собственной дочери.

По короткому приветственному междометию Ася поняла, что Тома чем-то расстроена.

– Тома, где ты?

– Дома, – натянуто ответила дочь и демонстративно зашуршала конспектами в микрофон, – занимаюсь.

– Слава богу, а я тут перепугалась. Прочитала про Иру Молчанову... Ты же в курсе?

– Конечно. Все в школе знают.

– Такой ужас, – Ася сделала паузу, ожидая каких-то комментариев, – а почему ты со мной не поделилась?

– Ты не спрашивала. Не думала, что тебя волнует Молчанова.

– Разве не очевидно, что меня волнует, если одноклассники дочери попадают в беду?

Вдруг и тебя как-то путают?

– Не путают. Мам...

– То есть ты бы так и молчала об этом, если бы я не спросила?

– Но ты же спросила.

– А если бы я не узнала? Не проверила чат?

– Но ты же проверила!

– Мы должны доверять друг другу, малыш. Делиться переживаниями. Не бойся, с тобой такого никогда не случится. Ты у меня умница.

– Да мы пока и не знаем, что с ней вообще случилось. Мам, у меня тут ещё куча дел до прогулки, а ты меня отвлекаешь.

– Прогулка? С кем? – Ася порывалась спросить про мальчика-студента, но позавчера Тома ограничилась замечанием, что он болван, и отказом от обсуждения свидания, а вчера вывесила запрещающий знак и вовсе не ужинала.

– С Никитой.

– Я думала, ваше свидание прошло не очень.

– Дам ему ещё один шанс. Вдруг он не такой уж и тупой.

– Может быть, стоит пока ограничиться общением по телефону? Пока Иру не найдут?

В парке шляются разные типы...

– Мам, ну ты чего? Из парка Ира как раз вернулась, она в подъезде пропала.

– А ты её встретила в парке? Когда?

– Позавчера. Мам, мне правда пора. Вечером поговорим, хорошо?

– Обещаешь?

– Угум-с, – Тома неразборчиво брякнула своё согласие и Ася вдруг очень отчётливо поняла, что дочь что-то скрывает. Она именно так сбивалась на скороговорку, когда планировала уклониться от обещания.

Это был первый звоночек, который Ася пропустила. Следовательно не понял бы таких тонкостей, но после того телефонного разговора в ней поселилось смутное предчувствие. Поразмыслив до конца перерыва, Ася списала тревогу на фон от новостей и расслабилась. Даже уговорила себя порадоваться, что дочь всё-таки дала формальное согласие на будущее обсуждение.

Но до конца рабочего дня нервничала и поглядывала на часы.

Потом улучила минутку, позвонила классной и предложила свою кандидатуру на роль специалиста по психологической поддержке родителей. Та как-то вяло дала добро, и Ася позвонила уже маме Молчановой, но вместо благодарности получила невнятную истерику и оскорбления, после чего благоразумно сняла тему с повестки.

И мстительно подумала, что в невежественной семье растут соответствующие дети. Гулящие. Яблоко от яблони... А её Тома совсем другая.

Катька плохо помнила старшего брата. Ссоры и обиды вытеснились из памяти, оставив образ задорного великана из сказочных времён, когда ей не приходилось врать и обдумывать каждое слово, выкраивая себе хотя бы крохотный глоток свободы. Теперь она вечно балансировала на грани, каждую минуту бодрствования мечтая вырваться из-под цепкой родительской опеки, и никогда не сдавалась. Никогда. У неё был выстраданный, около года лелеемый план, главным пунктом которого был немедленный отъезд из дома после окончания школы. На очевидную потерю доступа к кранику с деньгами ей было плевать. Ей вообще было плевать на барахло и какая в комнате мебель, лишь бы можно было делать, что вздумается, а дум накопилось порядочно.

Родители, конечно, об этом плане не догадывались и пребывали в счастливой уверенности, что единственный оставшийся в живых ребёнок не повторит судьбу старшего, избежит влияния дурной компании и послужит каким-никаким утешением. Розовые мечты заменить умного и компанейского мальчика имеющейся девочкой забуксовали ещё на старте – Катька до Кости не дотягивала ни по каким параметрам, кроме жизненных показателей, и к старшим классам этот печальный факт бросался в глаза даже тем, кто жаждал быть обманутым.

Мать ужасно гордилась потерянным сыном, щёлкающим олимпиадные задачки и боже-ственно играющим на гитаре – девочки вешались на него гроздьями, но он так и не привёл в дом какую-нибудь вертихвостку. Всё говорил полушутя-полусерьёзно, что ни одна из них не выдерживает сравнения с матерью, и та млела. Костя олицетворял её идеал мужчины, и когда всё закончилось, мир рухнул. Муж предлагал родить ещё мальчика, но сама идея казалась кошунственной. А Катька – та уже была, здесь нет и не было ни грамма предательства.

Катька смутно помнила момент, когда брат исчез, ещё и потому, что плечистая фигура Кости мерещилась за каждым углом. Он улыбался ей с остановки, когда они с папой ехали в поликлинику на автобусе. Заглядывал в окно с балкона, когда она перед сном рассматривала круглый блин луны в щель между стеной и шторой. Сидел в беседке детского сада, когда они возвращались с прогулки. Даже в школе появлялся на переменках, стоило Катьке внезапно обернуться, прищуриться и посмотреть сквозь толпу. Но домой, в их квартиру или даже в его бывшую комнату, ставшую папиным кабинетом, Костя не приходил.

Зато улыбался Костя всегда одинаково – чуть грустно, но одобрительно, словно говорил, что всё будет хорошо. Постепенно она привыкла скрывать, что регулярно встречает брата, только поговорить не может. Даже Томе не рассказывала – не доверяла чудесную тайну. Или боялась разочарования, если вдруг не поверит.

Тома входила в разрешённый список друзей с самого начала – с детского сада, хотя их родители толком не общались, а отец называл Томину маму «эта психичка». Психичка всё разрешала Томе, и они вдвоём проворачивали целые схемы, чтобы дать Катьке возможность снять поводок. Это было круто – иметь друга, готового прикрывать любые её авантюры, хотя

иногда Катька подозревала, что Томе с ней скучно и она просто развлекается, нарушая взрослые правила. И ещё Кате нравилось, что Тома чуть что включала командира и с яростью или хитростью бросалась на врагов. Эдакая версия старшего брата в юбке.

Знакомство с Никитой стало вторым настоящим чудом после призрака Кости.

Она шла из школы домой – родители ждали её звонка-подтверждения и опоздание исключалось. Красивый парень окликнул Катьку на улице и спросил, если у неё тайна. Пока девушка замешкалась, подыскивая достаточно колкий ответ, парень с необыкновенной нежностью взял её за локоть и дополнил и без того нахальный вопрос:

– Есть ли у тебя тайна, которую ты стыдишься? – и посмотрел так, что у Катьки задрожали коленки.

Послать парня у неё не хватило духу. Каждая клетка сопротивлялась такому сценарию, и Катька промямлила:

– Есть. Но я тебе не скажу.

– Здорово, – похвалил парень, – папа-мама в курсе твоей тайны?

– Нет, – уже свободнее фыркнула Катька, – что это тогда за тайна?

– Справедливо. Ты первая девушка, которая правильно понимает тайны. Надеюсь, мнe то ты признаешься.

И Катька позорно покраснела до кончиков ушей.

Нет, она не какая-то там глупая малолетка, чтобы довериться вкрадчивому незнакомцу со смазливой мордашкой. Катька вздохнула поглубже, избавляясь от восторженного девчачьего головокружения, посуровой нахмурилась и вытащила локоть из захвата. Он мигом уловил смену настроения и с сожалением разжал сильные пальцы.

– Меня зовут Никита Мяснов и я не маньяк, если что, а студент-медик. Хотя, если вдуматься, не такая большая разница, – он поднял ладони, показывая, что не вооружён, и Катька прыснула.

– А я Катя, – она выразительно посмотрела на часы, – школьница. И если через десять минут я не позвоню предкам, они вызовут все спасательные службы города.

– Одиннадцатый хоть класс? – деловито уточнил Никита.

– Да. Перевожу на русский – мне семнадцать.

– А точно все-все вызовут? Ты проверяла? – иронизировал студент, и не думая сбегать.

Значит, он не принял её за девушку постарше. Не испугался. Катька решила, что это позитивная новость, должно же и ей когда-то повезти. Она приосанилась.

– Боюсь, что да. Они у меня чокнутые.

– Ого, – уважительно кивнул Никита, – тогда кратко подытожу, если ты не против?

Она торжественно подняла и опустила подбородок, пока не очень соображая, на что подписывается.

– Ты несовершеннолетняя с постыдной тайной, я студент-маньяк и у нас есть десять минут, чтобы уговорить тебя на свидание. Нигде не ошибся? Поправь, если что.

Катька уже не могла подавлять счастливую улыбку, а его глаза расцветали теплом и незнакомым ей доселе восхищением.

– Ага. Справишься?

– Это зависит от того, что тебе подсказывает встроенный женский биорадар. Куда там стрелка смотрит? Да, нет, не знаю? Потому что выглядит очень похоже на «да».

– Три минуты надо вычесть на подъезд, консьержка всё докладывает предкам.

– Воспринимаю, как персональный вызов. Где и когда?

– В парке в семь? – она ткнула указательным пальцем на памятник, заслоняющий главный вход. — Там есть одна неприметная беседка возле боковой аллеи, ведущей к реке.

– Знаю, туда проход зарос с главной, – Никита посерьёзnel, – классное место, а народ не в теме. Идеально для маньяка.

– Да, – Катька постепенно осознавала, что всё уже случилось. Ей только что назначил свидание необыкновенно привлекательный молодой человек, – но мне можно гулять только с Томой. Только с ней меня отпустит в парк.

– А Тома у нас – это кто?

– Моя подруга. Придётся сказать родителям, что я с ней. А если тебя увидят, то как будто Тома с тобой встречается, хорошо?

Он внимательно изучил выражение её лица, проверяя, что это не шутка, и чему-то обрадовался.

– Идеально. И ненужный свидетель уже имеется. Тогда до семи?

Они наскоро обменялись телефонами и уходя Никита бегло коснулся её руки кончиками пальцев. Катька чуть не подпрыгнула, так её ещё никогда не трогали! След от пальцев впечатался в кожу. Она торопливо прикрыла пылающий участок запястья другой рукой и неловко бросила:

– До семи.

Мозг окончательно свело и Катька резво побежала к дому, перепрыгивая через бордюры и считая полосы пешеходного перехода. Ей казалось, что взгляд незнакомца прожигает новую дыру на её спине, но она так и не обернулась.

Отдышалась уже у подъезда и быстро набрала Томе – попросить об одолжении.

Теперь в Катькиной голове вспыхнули тысячи вопросов, которые была обязана задать даже такая тетёха, как она. Тома, вопреки ожиданиям, не стала охать и отговаривать, а спокойно пробила Никиту по социальным сетям. Дома Катька не могла этого сделать – родительский контроль слишком силён, а рисковать было бы безумием, зато Тома филигранно умела подчищать историю поиска и держала запасные аккаунты и для себя, и для подруги.

Вердикт Томы оказался простым – почему бы и нет? Вроде не маньяк и не бабник. Берём. Смотрим. Наблюдаем. Все вопросы задаём в процессе.

Катька совершенно успокоилась и почти не дёргалась, когда вернулись родители. Домашка никак не шла, но она понаписала в тетради всякую чушь, всё равно четвёрку ей поставят. Из жалости. В школе знали, что её мать помешана на успеваемости дочери, догадывались и о тяжести наказания, вот и рисовали оценки.

В прихожей отец звякнул ключами, а мать громко спросила:

– Ты дома?

Как будто Катька не докладывалась каждый час, где находится.

– Да, мам, пап.

– Как успехи в школе?

– Все четвёрки сегодня и пять по физкультуре, – Катька была прекрасно осведомлена, что дневник уже проверен онлайн, но ритуал изо дня в день оставался неизменным.

– Четвёрки, – мать с лёгким неудовольствием всплыла в комнату и замерла над письменным столом, а Катька вся сжалась, ожидая пощёчины, и открыла страницу с оценками. Хотя троек сегодня не было – она тоже перепроверила – рефлексy куда не засунешь. Про двойки думать было страшно, но за все прошлые годы ещё не вlepили ни разу, хотя иногда Катька заслуживала на все сто. Наверное, догадывались, что тогда ей не жить.

Боковым зрением Катька уловила стремительное движение и зажмурилась, ожидая удара, но мать лишь протянула руку и взяла с полки фотографию в рамке, где они с Томой в обнимку смеялись до упаду, и нараспев проговорила:

– Тома много занимается. Её хвалят учителя.

– Она очень умная, – Катька вжала голову в плечи, – у неё здорово получается.

– Ты тоже не дура. Просто стараешься недостаточно.

Отец в прихожей деликатно кашлянул и зашумел пакетами уже на кухне.

– Мам, я правда стараюсь. Честно.

– С такими оценками ты никуда не поступишь! – мать начинала закипать.

– Я нормально написала пробники, – Катька выложила свой единственный козырь, дальше – кранты.

– Хочешь сказать, это ты не у Томи списала?

– Конечно, нет! Нам не разрешают списывать на пробниках, ты чего? Там всё строго.

– Угу, – мать поскребла ногтем рамку и поставила на место. Набрала полную грудь воздуха и с выдохом прошелестела, – строго. Сейчас ужинать будем, ты уроки сделала?

– Да, – Катька с облегчением предъявила исписанные убористым почерком тетрадки – гроза миновала. Всё-таки троек нет. Обошлось.

– Девочки, идите сюда! – радостно крикнул из кухни отец. – Оль, куда это класть? В морозилку или холодильник?

Гена отлично считывал малейшие перепады Олиного настроения и жутко переживал, когда она выходила из берегов, не в силах удержать kloкочущую внутри ярость за поломанную судьбу сына. Столько лет прошло, а Оля так и не смирилась, не простила себе и ему. В сыне она души не чаяла, буквально боготворила мальчишку, а вот дочь... Кате досталась нервная и болезненная копия той роскошной Оли, в которую он когда-то влюбился. Красавицей она никогда не была, но живость и чувство юмора компенсировали некоторую неровность характера, превратившуюся теперь в семейное бедствие – ураган по имени Ольга.

Оля спохватилась и поспешила на кухню, а Катька прикрыла веки и расслабилась.

Голова кружилась от привкуса манящей свободы – она мысленно перелетела туда, в парк, где завтра её будет ждать самый удивительный на свете парень. Оценивший её, Катьки, скрытые достоинства. Она проехала на кресле к зеркалу и уставилась на своё простецкое лицо, потом встала в полный рост и повертелась и так и эдак, пытаясь представить себя Никитиными глазами. Выходила серая мышка, но он-то увидел! Всё разглядел!

На пороге возникла тень и Катька испуганно замерла, но это был всего лишь папа. Он сочувственно улыбнулся ей и мягко проговорил, не повышая голоса:

– Можно?

– Да, пап, – она стыдливо уселась обратно в кресло и отъехала к письменному столу.

– Поговорим? – Гена прислушался к бравурным звукам телевизора. Вряд ли Оля что-то услышит.

– Конечно, – Катька напряглась, но виду не показала. Она знала, что папа винит себя в маминых вспышках гнева и сто раз слышала его оправдания. Ничего нового.

– Мама очень устала сегодня. На работе нервогрёпка.

Катька вежливо помолчала, а потом на всякий случай кивнула.

– Я понимаю, пап. Всё нормально.

– Да, то есть нет. Ничего страшного, но ты постарайся понять... И не раскачивать лодку. Будь к ней снисходительнее, ладно? Маме трудно приходится. Она старается, но не всегда получается.

– Я постараюсь исправить оценки. Честно.

– Дело даже не в оценках... – он присел на край кровати, поближе к дочери, – мама прекрасно знает, что ты не он. Но знаешь что? – в его глазах мелькнул шальной огонёк. – Я считаю, что ты очень особенная. Именно ты.

Катька удивлённо моргнула.

– Я? Ты о чём?

– Мама была уверена, что в нём есть нечто необыкновенное... оно и было, да, но настоящему необыкновенный ребёнок у нас – ты, – он начал говорить торопливее и тише, озираясь на приоткрытую дверь, – я это ясно вижу теперь, Катюша. В тебе есть способности видеть большее. Ты понимаешь, о чём я сейчас?

– Э-э-э... Не совсем, – Катька вспомнила, как мать впадала в ступор или, что гораздо страшнее, в безобразную истерику, когда она шестилетняя делилась свежими новостями про Костю-призрака. Например, как он наблюдает с балкона за младшей сестрой перед сном.

– Ты же видишь его?

– Кого? – глупо брякнула Катька, но она немного растерялась. Делиться этой тайной? Ну уж нет.

– Ты знаешь. Говорила раньше. Мы не верили... Но я верю.

– Почему же раньше не верил? – скептически протянула Катька и принялась грызть колпачок ручки.

– Трудно объяснить. Давай договоримся считать, что я ошибся. Недооценил тебя.

На такое она не купится. После стольких паршивых лет запел про её исключительность? Ха-ха, держи карман шире. Катька изобразила оскорблённую невинность, оттолкнулась ногами от кровати и чуть отъехала к балкону, а для пушнего эффекта скрестила руки.

– Пап, спасибо, конечно, но я давно ничего такого... Да и тогда просто показалось. Глюки! Я скучала по брату... Вот и всё.

Мужчина тяжело и виновато вздохнул.

– Ты не хочешь говорить правду, понимаю, но мне ты можешь довериться! А кому же ещё, Катюша?

Ага, как же! Да хоть той же Томе – она всегда воспринимала её проблемы исключительно серьёзно, а ведь Катька даже ей не призналась. И единственный человек, кому теоретически, только теоретически могла и хотела бы – Никита. Необъяснимо и странно, но она вызвал у Катьки безоговорочное доверие. На уровне инстинктов.

– Пап, лучше скажи, почему вдруг вспомнил про Костю?

От имени старшего сына по его лицу пробежала мучительная судорога – по негласному, но свято соблюдаемому правилу в семье старались не называть его вслух, а если и вспоминали о Косте, то говорили иносказательно. И раз Катька так откровенно шарахнула отца красной тряпкой – задел он её за живое. Какие же они всё-таки несмышлёные дети в семнадцать лет! И всё-то они знают, и всё-то понимают куда глубже, чем отжившие своё динозавры.

Гена привстал с кровати и взял ту же фотографию, что и Оля несколько минут назад, и с преувеличенным вниманием поднёс к пятну яркого света от настольной лампы.

– Это когда снято?

– Мы на даче были. У бабушки.

– А, точно. Вспомнил. Он ещё хотел научить тебя прыгать через канаву. Хороший кадр получился.

– Ага. Жалко, что дачу продали. Там было здорово.

– А кто бы там жил всё лето? Дача – это не квартира. Нельзя приехать раз в год и ожидать, что всё так, как при бабуле.

– Да, – Катька ощутила лёгкое прикосновение к затылку, как пёрышком провели по волосам от макушки и вниз. Спину закололо, волосы вдоль позвоночника вздыбились и отчаянно, до ломоты в суставах захотелось обернуться, но она молча вытаращилась на отца и застыла бревном. Даже не мигала.

– Что с тобой? – отец вопросительно изогнул бровь, перебитую аккуратным шрамом.

– Да так, – прохрипела Катька и прикрыла ладонью нижнюю половину лица, как бы кашляя, – подавилась.

Она скосила взгляд, чтобы боковым зрением увидеть отражение балконного окна на полированной стенке шкафа. Мутный силуэт растекался, но там определённо кто-то стоял. И она знала – кто. Нашёл время! Ну что за чертовщина? Почему именно сейчас? Сговорились, что ли?

– Где он? – отец проследил её взгляд и с надеждой уставился сквозь стекло. На балконе никого и ничего не было, кроме Каткиного велосипеда и коробок. Почти все Костины вещи давно покинули квартиру, Гена и не помнил, как это было организовано, но кое-какие книги и конспекты так и остались лежать здесь нетронутые. Выбросить их рука не поднималась.

Катка медленно опустила и подняла веки, но так и не обернулась.

– Там никого нет, пап.

– Откуда знаешь? – горячо зашептал тот. – Ты же не проверила. Посмотри сама.

И она медленно, миллиметр за миллиметром, обернулась, чтобы встретиться со светлыми до прозрачности радужками старшего брата, так и не постаревшего ни на день. Он тоже не моргал, но смотрелось иначе – естественно, будто не требовало от него никаких усилий.

Смотрел призрак Кости строго, без привычной улыбки. Пожалуй, с таким выражением изучают нечто вроде упавшего прямо перед припаркованным автомобилем дерева. Кузов не повреждён, но уехать нельзя, сзади подпёрли.

Костя плавно и со вселенской грустью поднёс к губам указательный палец и символически подул. Он просит хранить их тайну? Тогда зачем так тупо подставлять?! Катка фыркнула.

– Там никого нет, пап. Это же балкон. Десятый этаж!

– Не может быть! – папа стиснул рамку. – Посмотри повнимательнее!

– Да я смотрю! Пустой балкон, только велик мой и коробки эти.

Папа разочарованно опустил фотографию на пушистое покрывало.

– Уверена?

– Конечно, пап! Так чего ты придумал-то?

– Да так... – мужчина поднялся, ещё разок скользнул по блестящей поверхности фото-рамки и устало шагнул к двери, – показалось. Извини, Катюша. Бред это всё.

Катка на цыпочках вошла на кухню и юркнула в угол, на своё место – самое неприметное, ровно за орудующей возле плиты хозяйкой. Мать перевернула последний кусок рыбы в кляре и воскликнула с лопаткой наперевес, даже не оборачиваясь к дочери:

– Пришла? Ну так на стол накрой, не сиди.

Она подорвалась сгребать тарелки и вилки, а отец убрал звук у телевизора и громко спросил, выразительно глянув на Катку:

– Оль, знаешь, что мне Катя сейчас сказала?

– Что? – застыла напряжённая женская спина, перетянутая фартуком, а Катка чуть посуду не выронила – неужели сдаст? Но как он узнал?! Он не мог! Она же ничем не выдала...

– Что мы давненько не выезжали на дачу. Природа, шашлыки... Что думаешь?

– Мы её продали, забыл, гений?

– Не забыл. Но мы же можем съездить в гости к твоей тётке Маше, разве нет? Уверен, она будет нам рада. Мясо и готовка с нас, возьмём пластиковую посуду, с неё только хорошее настроение и доступ в беседку. Да она счастлива будет! Сидит там одна целыми неделями, в огороде копается.

Катка лихорадочно перебирала варианты – зачем папа заговорил о даче? Хочет вывести на чистую воду? Понял, что она врёт? Но ведь повёлся же, повёлся и ушёл, прекратил допрос с пристрастием.

– Гена, ну чего ты выдумашь? – мать скинула рыбу на тарелки, каждому по два куска. – Ей семьдесят лет, какие гости? Какие шашлыки? Она кашу ест.

– А что? Мы же ей не чужие. Развлечём немного твою тётушку и уедем. Делов-то на пару часов. Можем не ночевать, раз такая проблема.

– Вот спасибо, благодетель нашёлся! Смысл покупать дачу у родственников, если те потом приезжают, как к себе домой? А мы её продали, имей совесть. За нормальные деньги. Тётя Маша половину счёта небось опустошила.

– Оль, ну ты преувеличиваешь. И мы не ездили туда сто лет, а вдруг ей помощь нужна? Доску там прибить или что?

– Ты, что ли, прибивать собрался? – мать села за стол, вооружилась вилкой вместо лопатки, и с ехидным смешком указала на грудь мужа. – Или копать будешь? Давно лопату в руки не брал?

– А что, уже и лопату нельзя... – и вдруг он сдулся, – ладно, с лопатой идея плохая, но ребёнок просится на дачу, с этим ты что делать планируешь?

Мать сдержанно хмыкнула и перевела пронзительный взгляд-прожектор на Катю, от волнения прилипшую потной спиной к стенке.

– Ма-а-ам, я ничего такого не просила. Просто сказала, что там было здорово! Ты сама схватила ту старую фотографию, вот я и вспомнила!

– Где вы с Томой? – мать первая надкусила рыбу и начала неторопливо жевать, а муж и дочь заворожённо смотрели ей в рот. – Ага, помню. И с чего ты вдруг собрался на дачу? А, Гена? Что задумал?

– Ничего, Оленька. Просто хотел порадовать Катю, – Гена вцепился в вилку и неловко цапнул ею по тарелке – пальцы плохо слушались.

– Ясно, – с набитым ртом кивнула хозяйка, – значит, на дачу. Хорошо, будет вам дача. Предлагаю тебе съездить к тётке Маше на пару дней, разведать обстановку, вскопать огород, канаву почистить... И что ещё тётка попросит. И если после твоей бесплатной помощи она всё ещё будет согласна принять меня и Катю в гости, мы приедем. Так пойдёт?

– Более чем! – вымученно воскликнул Гена. – Отличная выйдет поездка.

Катя страдальчески придвинула свою тарелку и уставилась на дрожащий край рыбного филе. Будь её воля, она бы про ту дачу и не заикалась, ну а теперь как отвяжешься? Придётся уехать с ними. А что будет с Никитой? Вдруг передумает ждать их второго свидания, пока она шляется незнамо где? И хотя первое ещё не состоялась, Катя уже боролась с малейшими препятствиями на пути их будущего счастья. Нужно срочно объяснить Никите про мамины закидоны, а ещё лучше – как-то отговорить мать, пока бедный отец вкалывает на тётку Машу.

Что бы отец ни задумал, призрак старшего брата теперь просто обязан подсказать ей, что делать. Или он не брат, а пугало огородное. Пора как-то налаживать контакт, а не глазки строить.

И Катя решительно зажевала, твёрдо решив потребовать от призрака каких-никаких аргументов и что вообще происходит с папаней.

Тома подкралась сзади и стремительно прижала ладони к глазам – Катя взвизгнула, не глядя лягнула со всей дури и радостно захохотала при виде довольной физиономии отскочившей подружки.

– Сдурела?! – Тома демонстративно отряхнула совсем не испачканные джинсы. – А если бы попала?

– А ты не подкрадывайся, чучело! Времена нынче суровые. Люди пропадают.

– Ладно, проехали. И где твой колдун? Снова опаздывает? Ирку в тёмном подвале зомбирует?

– По-твоему, это смешно? – насупилась Катя.

– Не-а. По-моему, ты повредила мозги, раз тебя ничего не смущает, но мы сейчас это исправим. Я задам Никите несколько вопросов, как договаривались, – безапелляционно сообщила Тома, – и если ответы меня устроят, свалю и делайте, что хотите.

– Спасибо, мамочка, – съязвила Катя.

– Кстати, а почему тебя отпустили в парк? Я думала, после исчезновения Ирки тебя посадят под замок и в школу будут конвоировать. Как ты отбрехала?

– Папа уехал на дачу, а мама сказала вернуться в семь.

– В семь? И всё? И никаких «бойся коварных маньяков и никому не отпирай, деточка»? – И всё. Почему-то тема с Молчановой её не впечатлила, – Катька неожиданно поёжилась. – Знаешь, что она сказала? Что Молчанова сама напросилась, нечего шляться с кем попало.

– Ну, конечно, – задумчиво прикусила губу Тома, – а ты у нас шляешься только со мной. Что за дача, кстати? Вы же её продали.

– Да та же самая дача! – выпалила Катька с досадой, собираясь пожаловаться на крушение планов на выходные, но из кустов выскользнул знакомый силуэт.

Тома ощутила нечто вроде удара под дых. Никита дружелюбно улыбнулся обеим девочкам и обнял Катьку за талию, а Томе ласково бросил:

– Привет, Цербер. Чего ругаетесь?

Катька хотела объяснить, но Тома уже опустила забрало и попёрла в атаку.

– Что ты сделал с Ирой Молчановой? Отвечай!

Никита вежливо приподнял брови.

– Прости, с кем?

– С той девочкой, которой ты в прошлый раз порезвился. Поставил блок. Правильно я называю? «Блок»? Мне Катька рассказала.

– Катя, – Никита убрал руку с талии и приподнял покрасневшее и донельзя раздосадованное лицо за подбородок, – мы же договорились никому не рассказывать наш секрет, забыла?

– Извини, – буркнула Катька, – она так привязалась ко мне... что мне пришлось!

Тома лихорадочно уставилась на его профиль и снова ощутила укол зависти – он смотрел на её подругу так... идеально.

– Ты не виновата, – прошептал Никита, – понимаю.

Тома ахнула в голос и Катька удивлённо отвернулась на пару секунд, но тут же вернулась к своему идеальному парню.

– Прощаешь? – по-детски деловито переспросила Катька.

– Ну, сердиться на тебя я не могу, – он радостно и мелодично рассмеялся, – так что вопрос закрыт. Но почему твоя подруга считает, что я сделал что-то плохое?

Тома мысленно взорвалась.

– А как ещё назвать? Ирка исчезла, её одежда на чердаке! Родители психуют! Это всё – не плохое?

– Исчезла? – изумился Никита. Пожалуй, абсолютно убедительно, и Тома только из вредности решила, что он наверняка притворяется.

– Да!

А Катька торопливо добавила:

– Я не считаю, что это из-за тебя.

– А она – считает, – Никита оторвал взгляд от девушки и с непонятной грустью обратился к Томе, – но почему?

– Тогда объясни, что ты с ней сделал?

– Вы обе не вполне поняли, что здесь произошло. Желание загадал не я, а Катя. Я просто помог ему исполниться. Похоже, у Кати куда больше неприязни к той девушке, чем выглядело изначально. И больше силы. Моя ошибка. Погоди, а что ты сказала про одежду?

– Нашли всю разорванную. На чердаке. Тела нет.

Никита помрачнел.

– Очень плохо.

– И что теперь делать? – пролепетала Катька.

– Попробуем вернуть, – он рассеянно отпустил заострённый кончик её подбородка и Катька всхлипнула.

– Это что же, я во всём виновата? И что с ней случилось из-за меня?

– Надеюсь, не то, что я думаю.

– Ловко, – скривилась Тома, а на вопросительные взгляды добавила ещё презрительнее, – теперь уже ты всех спасаешь, а крайняя – Катька? Может быть, она и купилась на эту чушь, но я – нет.

– Я хочу вернуть девочку не меньше вашего, – устало протянул Никита, – так что предлагаю перемирие. Сколько у нас сегодня времени, пока вас не хватятся?

– До семи. А куда мы поедем? – пискнула Катька.

– Не поедем, а перейдём. Туда, где сейчас ваша одноклассница. Только не уверен, что Тома сможет, – Никитины зрачки потемнели и остановились на переносице, точь-в-точь меж Томиных ошарашенных глаз, – что она – особенная.

– На слабо берёшь? – зло прищурилась Тома, но все трое прекрасно отдавали отчёт, что она уже на крючке. Наживка проглочена.

Никита оценивающе оглядел раздухарившуюся Тому с головы до пят и спросил совсем уж неприличное:

– У тебя парень есть?

– С какой целью интересуешься? – злобно пропела Тома.

– Нет у неё никого, – ревниво перебила Катька, – вечно готовится к поступлению.

– А по виду не скажешь, – удовлетворённо хмыкнул Никита, – ну тогда шансы имеются.

Пошли, покажете тот самый чердак.

– Там всё опечатано, – предупредила Катька, – а если открыто, то нас не пустят.

– А мы не будем спрашивать разрешения, – заговорщицки подмигнул он и зашагал за подорвавшейся Томой, а Катьке оставалось лишь догонять их.

У подъезда Молчановой зевак уже не было – интересная часть с полицией, понатыми и причитаниями родителей давно закончилась, а дверь на чердак заклеили крест-накрест и опломбировали. Никита с натянутым почти до кончика носа капюшоном встал напротив и приложил подушечки пальцев к бумажке с печатью, нежно провёл ими по косяку, пробежался по оборванным двухцветным лентам и вдруг с силой вдавил обе руки внутрь. По локти. Сквозь дерево.

Тома успела разглядеть, как его кисти провалились в дверное полотно, и чуть не задохнулась от налетевшего ураганного ветра. Её больно хлестнуло по щекам чем-то влажным и прохладным и она подняла локти, защищаясь, а когда немного раздвинула их, то оказалось, что двери-то и нет. Да и стены тоже.

Обнажившийся чердак напоминал обиталище ведьмы, затянутое сизой дымкой и приторным запахом неизвестных, но, судя по всему, заманчивых сладостей, у Тома даже в животе заурчало.

Под потолком вереницами висели летучие мыши. Немигающие существа враждебно выпучили огромные, неестественные глазищи, но не улетели гурьбой, противно хлопая кожаными крыльями, как того ожидала Тома, а так остались висеть и зорко следить за незваными пришельцами.

Одежду пропавшей девушки криминалисты забрали, но обвели мелом неровный круг на полу. Тома откуда-то знала, что именно там нашли Иркино барахло, и почти видела жуткие ключья, хотя там ничего не было, кроме нарисованной белой линии.

– Я боюсь мышей, – зашептала Катька, прижимаясь к своему парню и не сводя глаз с многочисленных обитателей чердака.

– Это летучие мыши, – снисходительно бросила Тома. Она-то не боялась мышей и любых других маленьких зверушек, – только очень странные. Но вряд ли кусаются.

– Не уверена, – Катька была на грани.

– Не мышей надо бояться, – Никита подошёл к границе круга, и все мыши в комнате уставились на него одного.

– А кого? – слабо спросила Катька, оставшись без его поддержки. Она озиралась, но всё равно с опаской возвращалась к треклятым летучим мышам.

– Её, – Никита выкинул вперёд кисть и застыл с указательным пальцем, направленным в центр обведённого мелом пятна.

Сперва Тома была убеждена, что там никого нет, а потом начала различать контуры сидящей на корточках женской фигуры. Вздрагивающие худые плечи, нелепо торчащие колени и взъерошенные волосы... Она нипочём не узнала бы Ирку в этом полудиком создании, если бы не Катин взгляд, полный ужаса и вины.

Катька приклеилась к тому месту, где стояла, и зажала руками рот.

– Нет. Нет. Нет... – монотонно бубнила она и мотала головой, отрицая то, что видела прямо перед собой. Отрицая своё участие в этом чудовищном превращении.

А то, что когда-то было их одноклассницей, металось внутри линии и вряд ли узнавало кого-то вовне.

– Что с ней? – прервала заклинившую пластинку Тома. – Что вы с ней сделали?

– Гораздо важнее не это, – отмахнулся Никита, – подойди сюда.

– Зачем? – огрызнулась Тома, но сделала шаг. Потом ещё один.

– Проверим, осталось ли в ней что-то человеческое. Встань сюда.

Тома послушно приблизилась к границе, а Катька издала подобие сдавленного свиста и заткнулась окончательно.

Никита чуть подался к беснующейся фигуре, сощурился и вдруг скомандовал:

– Протяни руку в круг и сразу же убери. Только быстро.

Тома с сомнением посмотрела на тонкую белую линию, отделяющую её от неведомой опасности, и мысленно обозвала себя дурой. И послушно сунула лапу в капкан.

Худое создание совершило кульбит в воздухе и в панике распласталось с другой стороны круга, а Тома испуганно отдернула руку.

– Ну как? – простонала Тома, прижав покалывающее запястье к груди.

– Не так уж и плохо, – ответил Никита, – можно попробовать. Но не сейчас. Сейчас она слишком напугана.

Катька очнулась от созерцания того, что когда-то было человеком, и попятилась. Ей остро хотелось проснуться в своей комнате и обнаружить, что ничего из этого вообще не существовало в природе, она даже с силой зажмурилась и тряхнула волосами, но тварь перед ней так и продолжала скулить, вращая безумными зрачками в поисках неведомых монстров. Катька хлопала ресницами и бездумно переставляла кеды, шаг за шагом отступая к невидимой стене за спиной, пока не ткнулась лопаткой в сморщенное личико висящего вверх ногами зверька и истошно не завопила, разом выпуская наружу боль, разочарование, стыд.

Тома обернулась и с ужасом разглядела, что летучая мышь не сорвалась с места, а когтистыми крыльями возмущённо царапает Каткино плечо, а та отчаянно пытается стряхнуть цепкие лапки.

Никита в два шага добрался до Катки и зажал ей рот левой рукой, прерывая дикий крик, а правой аккуратно вынул запутавшиеся в ткани коготки.

– Вот так... тихонько... не бойся, они тебя не тронут... – он оторвал мышь от девушки и подтолкнул Катку обратно к кругу. Та вяло поддалась, а потом вдруг заупрячилась и с ненавистью оттолкнула парня.

Приближаться к этой твари было невозможно, невысказанно... Нет! Поживи хоть сто лет, никакими ухищрениями не вытравить из памяти страшные, искажённые черты, лишь отчасти напоминающие человеческие. Вот уж верно говорят – отпечаталось в глазницах.

– Кать, успокойся, – увещевал Никита, – ты только хуже делаешь.

Он был прав – бедное создание сильнее тряслось от звуков Каткиного голоса и самую малость притихло, когда её всё-таки заткнули. Тома вопросительно взметнула брови – она уже

не рассуждала, верить Никите или нет, и действовала на автомате, как ассистент при сложной операции.

– Придётся её успокоить, – поймал требовательный взгляд Никита и Тома уловила колебание.

– Кого? – прошипела Тома. – Ту или эту?

– Катю. Проклятая не выйдет отсюда, пока Катя не очухается. Надо срочно привести её в чувство, срочно, – он как-то нехорошо побледнел и Тома занервничала.

– Ну так целуй её, что ли! – выпалила первое, что взбрело в голову, как будто ему нужно разрешение.

Он недоверчиво всмотрелся в Томину яростную физиономию, а потом рывком прижал к себе упирающуюся Катку и приник к стиснутым губам. Сперва та сопротивлялась, а потом разом обмякла и охотно прилепилась к напряжённому телу.

Тома собиралась отвернуться и не таращиться на эту нелепую ласку, но со странной настойчивостью и самоуничижением продолжала мучиться и глазеть. Каткины мышцы расслабились и в комнате стало светлее, а Тома хладнокровно отметила, что за окнами чердака нет ничего, ни солнца, ни фонарей, одна лишь тусклая серость без краёв, а внутри и лампочек-то нет. Висящие гирляндами мыши отбрасывали непонятные тени, но подходить к серому окну и проверять, существует ли вокруг ещё что-нибудь там, снаружи, Тома совершенно не жаждала, подсознательно зная ответ.

Источником света служила сияющая Катка, прямо в эту минуту превращающая мрачный чердак в нечто тёплое и уютное.

Создание в круге задышало спокойнее и перестало трястись, устало распластавшись вдоль линии.

Никита разорвал поцелуй и на выдохе попросил Катку:

– Позови её. Позови проклятую.

– Кого? – Катка явно потерялась в своих грёзах и утратила связь с любой реальностью.

– Её, – Никита подвёл Катку к меловой черте.

Она с жалостью опустила ресницы и послушно вытянула вперёд раскрытую ладонь. Создание робко качнулось навстречу, с осторожностью принялось и на четвереньках переместилось к Катке, как доверчивая и верная дворняжка. И благоговейно тронуло лбом протянутую руку.

Чердак с мышами и кругом исчез, превратившись в пыльное и затоптанное людьми помещение.

Ирка Молчанова, осунувшаяся и голая, на четвереньках стояла перед Каткой. Она плюхнулась на пятую точку и неумело прикрыла себя, а потом вскочила на ноги и ринулась к двери, не разбирая дороги, Тома еле увернулась.

Якобы запертая дверь легко поддавалась напору и распахнулась, а пристыженная Молчанова пулей вылетела в подъезд и звонко затопала голыми пятками по ступеням.

Катка и Тома переглянулись – Никита поправил капюшон и рванул следом за беглянкой, без прощания покинув онемевших от шока спутниц.

Вот так Молчанова и вернулась домой – раздетая и в невменяемом состоянии. Соседи потом шептались, якобы она ломилась во все двери, а до того долго сидела на последнем этаже и плакала, не в силах вспомнить номер своей квартиры, но это наглые выдумки. Девочки сразу же бросились вниз и застали Ирку, со всей мочи вжавшую кнопку звонка. Никита уже догнал её и отдал куртку, точнее накинул на голые плечи трясущейся девушки. Вряд ли Ирка тогда соображала хоть что-нибудь, кроме тяги забраться под спасительное одеяло.

Они стали свидетелями, как мать Молчановой взвыла, открыв замок и увидев пропавшую, боясь и не веря в чудо. Ирка держалась за стену, чтобы не упасть – в чужой куртке и с

босыми, синюшными от холода ногами, и матери пришлось ловить ослабевшую дочь, а Никита перехватил девчачье тело и помог дотащить до кровати и накрыть.

Впопыхах потрясённая мать даже не задалась вопросом, кто и почему привёл Ирку обратно домой. Она причитала и металась по комнате, ища одежду для своей девочки и беспорядочно пытаясь натянуть носки и бельё на свернувшуюся в жалкий комок долговязую фигуру.

Никита деликатно отвернулся, кашлянул и попытался ретироваться, на пороге наткнувшись на Тома и Катьку.

– Она там в порядке? – выпалила Тома, опасаясь врываться без приглашения, но Катька уже была внутри.

У матери поплыло перед глазами, она опустилась рядом с дочерью и отчаянно вцепилась в торчащие из-под одеяла щиколотки, никак не справляясь с тем, чтобы укрыть их.

– Надо позвонить в скорую, – Катька застыла в двух шагах, немного оробев перед Иркиной матерью. Встретиться взглядом так и не решилась и мямлила, изучая хорошо знакомый рюкзак одноклассницы, сиротливо брошенный возле стола, – вдруг что-то не так.

Женщина слепо подняла глаза, силясь разобрать смысл слов и что от неё хотят эти люди.

– Кому позвонить? – пробормотала она наконец.

– Я позвоню, – буркнула Тома из прихожей и схватилась за телефон, от волнения позабыв, как в таких случаях звонить.

Никита вернулся к кровати и мягко начал:

– Не волнуйтесь так, мы сейчас сами вызовем.

– Да? – уже более осмысленно пробормотала Молчанова, глядя спину девочки поверх непослушного одеяла. – А ты кто такой? Где вы её нашли? И почему она голая?

– Я друг Тома, одноклассницы вашей Иры. Мы гуляли в парке и решили поглазеть на опечатанный чердак. Пришли, там вроде дверь открыта и ваша дочь... выскочила в таком виде.

– И как она оказалась на чердаке? Её же не было! Мы искали!

– Без понятия. Она ничего не объяснила, вообще ни слова не сказала, просто побежала вниз, а мы – за ней.

Катька энергично закивала, подтверждая сказанное.

– Я позвоню отцу... – женщина растерянно нащупала в кармане мобильник, – он же ещё не знает, что Ира нашлась!

Никита сделал страшные глаза, показывая на выход, и поднял брошенную на пол куртку, а Катька бочком-бочком двинулась за парнем. Ещё немного, и здесь будет полиция, а они толком не договорились, что рассказывать. Родители теперь точно убьют её за гулянки в компании фальшивого Томиного парня, а ещё и за то, что полезли в Иркин подъезд. Даже такая полуправда – преступление по маминым правилам.

Тома закончила с диспетчером и с сомнением переспросила Никиту:

– А нам не надо остаться здесь до приезда скорой?

Он качнул головой, а Катька пихнула подругу в бок и зашипела:

– Пошли отсюда! Надеюсь, мы успеем сочинить хоть какую-то версию для предков. Если они узнают...

– Узнают, – но Тома уже бежала вниз, перепрыгивая через ступени, – мы же теперь первые подозреваемые. Нашли её и привели домой. Допрашивать будут обязательно, Кать.

Все трое, не сговариваясь, обогнули забор детского сада и остановились на почтительном расстоянии от входа в подъезд.

– И что делать? – запыхавшаяся Катька с ужасом смотрела на часы. – Меня запалят.

– Не о том переживаешь, – Никита поморщился. – Короче, полиции скажем, что гуляли вместе и придумали сходить сюда, ясно? Про чердак – молчок. Надеюсь, это понятно, да и не поверят вам, только в дурку засунут.

– Это не тебе чуть что запрещают выходить из дома, – взвилась Катька, – мои не должны узнать вообще ничего! Меня скоро увезут на дачу, но предки всё равно что-нибудь пронюхают... Меня вызовут на допрос, да?

– Ира вспомнит... ну... про чердак? – Тома потянула Никиту за рукав, не обращая внимания на щебетание Катьки, как будто позабывшей про муки совести.

– Пока трудно сказать. Удача уже то, что она вернулась в человеческом облике.

– А в каком ещё могла? – пискнула Тома, неохотно представив то существо в меловом круге.

– Тебе лучше не знать, – грубовато прервал Никита, – так что держимся нашей версии и точка.

Тома вышла из себя. Серьёзно так, с битьём кулаками по крепкой мужской груди и размазыванием соплей и слёз. Кажется, она кричала что-то оскорбительное на всю улицу, и ему и Катьке досталось, но лицо Никиты моментально исчезло из поля зрения – он впечатал девушку в себя и перехватил согнутые руки, так что ей оставалось только брыкаться и вплотную дышать его головокружительным запахом. И пускать слюни на футболку – потом стыдно было за болшущее красноречивое пятно, хорошо хоть, что помадой не пользуется.

Никита с вопиющим хладнокровием дождался финальных всхлипов чужой истерики и только потом спросил, нахально придерживая за шею и затылок и не позволяя ей оторвать помятую физиономию от пресловутой футболки:

– Успокоилась?

Она промычала что-то в знак протеста и стукнула кулаком в район предплечья, но вышло смешно и по-детски.

– Я тебе отпускаю, кивни, если обещаешь не драться.

И Тома покорно кивнула – торчать в таком положении было ещё унизительнее. Никита разжал объятия, но зорко следил за каждым её движением, будто намеревался ловить беглянку, если та надумает удрать восвояси. Беглянка же приклеилась подошвами к земле и что-то искала в его глазах. Не нашла. И опустила веки, уставилась на запылённую бетонную пирамидку детсадовского забора.

– Вижу, успокоилась, – он вёл себя так чертовски спокойно, словно каждый день купировал девичьи истерики, и от этого Томе стало ещё хуже, но злость прошла.

– Мне надоели ваши секреты, – почти беззвучно выплюнула она, – я прикрываю вас, так что имею право знать, что происходит. Так понятно?

– Понятно, – легко согласился он, а вот Катька громко засопела, – сделаем так. Я поеду с Катей на дачу, а ты присмотришь за Ирой, хорошо?

– Это как? Во-первых, её родители пристрелят тебя. И что значит – присмотреть за Ирой?

– Не пристрелят, они меня даже не увидят. А Ира... Она будет странно себя вести, вероятно. Надо, чтобы она ела. И не оставалась одна.

– Мне что, в няньки податься? – хмыкнула Тома. – Не нанималась. И вообще, теперь предки сдадут её в дурдом или будут караулить, как Катю, – в голове у Тома отчётливо щёлкнуло и она с изумлением уставилась на подругу. – С тобой такое тоже было?

– Какое? – Катькино лицо стало жутко некрасивым.

– Как с Ирккой? Тебя тоже кто-то проклял и ты вернулась обратно? И поэтому они над тобой трясутся?

– Не выдумывай, – Катька запахнула куртку, – я бы запомнила. Сама же видела эту жуть. Бр-р-р.

– А Ирка что, вспомнит?

– Так, девочки. Хорош ссориться, – Никита чуть сдвинулся, оказываясь между ними, – всё очень просто, Тома. Ты отвечаешь за Иру, поняла? Лично отвечаешь.

Он поддел Катьку за локоть и потянул прочь, а та послушно и радостно засеменила рядом. Тошно смотреть!

– А если она не захочет меня видеть? – отчаянно крикнула Тома им вслед.

– Ещё как захочет! – он приостановился и чуть повернул шею, глядя куда-то вдаль. Даже не обернулся толком. Не снизошёл. – Ну же, иди к ней.

И Тома пошла.

Уже в подъезде услышала, как скорая уже пробралась через двор и экипаж бодро затопал по лестнице. Тома посторонилась, пропуская бригаду, и через окно бросила один короткий взгляд на водителя, нервно курящего в окно. Вызов, судя по их сосредоточенным фигурам, был срочный и тревожный, так что Тома обречённо пошла по ступенькам вверх.

Шла и ругала себя за уступчивость. С какой стати он ею командует?! Кем он себя возомнил?! Ладно Катька, но она-то?! И никак не соскочить, ввязалась по-полной.

Дверь не заперли и Тома проскользнула внутрь – послушать вердикт медиков.

Тараторили быстро-быстро, но главное Тома поняла – с Ирой всё хорошо. Физически. Она не спала и вяло отвечала на вопросы. Голос сонный, но вроде бы осмысленный. Усталый.

В итоге медики посоветовали матери обеспечить покой и откланялись, а на жавшуюся в прихожей Тому просто не обратили внимания. Хозяйка тщательно заперла замок и без лишних слов уставилась на вернувшуюся девочку. Тома ждала, что её выгонят, но та тяжело вздохнула и спросила:

– Хочешь к ней?

Тома неопределённо дёрнулась, а Молчанова коснулась её запястья сухой и горячей ладонью и подтолкнула к дальней комнате:

– Она там. Иди.

– Сказали же «покой»?

Но её настойчивее толкнули в лопатку. И почему все, абсолютно все ею командуют?

– Можно? – глупо прошептала Тома у порога. Ирка полулежала на взбитых подушках, а под одеялом угадывались выпрямленные по струнке ноги.

– Заходи, – без выражения откликнулась одноклассница.

– Ты же не против, Ирочка? – визгливо вмешалась мать, не решаясь заходить в комнату. – Просила привести друзей, вот и они. Ну как, всё в порядке?

– Спасибо. Иди уже, мам.

И хозяйка торопливо захлопнула дверь.

– Привет, – Тома топталась у входа.

Только сейчас Тома поняла, в чём была странность, царапнувшая с первой секунды – глаза одноклассницы были пустые. Неправильно пустые, как у дорогой и очень качественной куклы. Почти как настоящие. И этими глазами Ирка безучастно смотрела, как Тома отрывает пятки от линолеума, приближаясь к единственному в комнате стулу – как раз возле изголовья кровати. Врачи всего несколько минут назад убрали оттуда оранжевый чемоданчик и заявили, что всё с девушкой в порядке, но поверить в их заключение было прямо-таки невозможно. Куда они смотрели вообще?!

Но в остальном лицо и руки поверх одеяла смотрелись... более-менее. Бледноватая кожа и в целом вид исхудавший, но румянец на щеках появился – организм явно оживал. В каком-то смысле, но не во всех.

Ирка разомкнула пухлые губы и ровно произнесла:

– Привет.

– Я сяду? – Тома указала на стул.

Ирка не ответила, но и не возразила, когда Тома осторожно устроилась на край сиденья.

– Где Катя? – человеческая речь в её исполнении звучала так, словно Ирка механически воспроизводила непонятную ей какофонию.

– Уехала. Пока только я пришла тебя проведать, – ощущение от этого недоразговора было не из приятных, так что Тома не стала лишней раз распространяться про Катькину поездку на дачу.

– Хорошо. Мне нужны люди.

– Ты о ком конкретно сейчас? – осторожно уточнила Тома.

– Ты и Катя. Нужны.

Тому передёрнуло – прямо бездушный робот. Жесть.

– Ну, я здесь, – Тома старалась не смотреть ей в лицо и остановилась где-то на подбородке, но даже голос вымораживал. И вдруг она преувеличенно обрадовалась. – Может, позвонить Соне? Прикинь, она же не в курсе, что ты вернулась! Вот обрадуется!

– Нет. Соня не нужна. Когда придёт Катя?

– С каких пор вы с Катей подружки? – Тома забеспокоилась. Не сильно, но всё же.

– Катя мой друг, – упрямо выдала Ирка. Ну хоть какая-то эмоция.

– А Соня больше не друг? Вы же с первого класса дружите!

В дверь постучали и в комнату снова заглянула вспотевшая от волнения хозяйка.

– Хотите чай? Врачи сказали, Ирочке надо пить много жидкости, – она сунулась с двумя огромными дымящимися кружками, нерешительно водрузила их на свободное место на столе и вытерла руки о фартук.

– Мам, иди уже.

– А что насчёт Сони? Хорошая же идея? Позвонишь ей?

– Ма-а-ам!

Хозяйка ушла.

– А чего ты против Сони? Она что-то сделала? – Тома покосилась на кружку, но пить не стала.

– Ты останешься? Мне страшно, – Ирка лихорадочно впилась в неё взглядом. Отрешённость как ветром сдуло.

– Могу посидеть, да. Мама поздно приходит с работы, а я могу и здесь позаниматься, – Тома приподняла плечо, на котором висел её рюкзак.

– Не уходи.

– То есть... На ночёвку? – Тома прикусила губу. Караулить сутками она изначально не собиралась, но что сказал Никита? Лично отвечаешь? Похоже, без вариантов.

– Да.

– Ирк, а куда я лягу?

Ирка указала на кресло возле шкафа.

– Оно раскладывается.

– Хорошо.

Ирка заметно успокоилась, схватила кружку и принялась пить быстрыми глотками, а потом поставила обратно пустой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.